

ект, разработанный в регионе, того стоит, мы будем его просто лоббировать в Государственной Думе»¹, — подчеркнул вице-спикер Совета Федерации А. Торшин. Совет законодателей, объединяющий на добровольной основе руководителей законодательных органов власти регионов, призван стать органом, консолидирующим все ветви власти, так как «совокупная легитимность законодательных органов субъектов Российской Федерации может быть сильнее, чем совокупная легитимность губернаторов»².

Механизмы деятельности Совета законодателей разнообразны. Это и сбор глав комитетов всех субъектов Российской Федерации, и выработка рекомендаций, которых будет придерживаться каждое законодательное собрание регионов, и обсуждение законодательной инициативы, и ее дальнейшее продвижение, и обсуждение наиболее значимых проектов федеральных законов, и подготовка и проведение конференций, совещаний по обеспечению межпарламентского взаимодействия, раз-

витию федерализма, методологическим вопросам конституционных полномочий, статуса и ответственности парламентов, и подготовка информационно-аналитических материалов по обсуждаемым проблемам и принимаемым решениям³.

Таким образом, статус Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации как консолидированного выразителя интересов 89 субъектов Российской Федерации и 178 своих членов определяет и значимую роль в его деятельности межпарламентского сотрудничества на всех уровнях (от международного до регионального). Возможность глубокого исследования самых сложных социально-экономических, правовых, политических ситуаций с учетом опыта межпарламентской деятельности усиливает информационно-правовые ресурсы Совета

Федерации и расширяет границы его влияния на законодательный процесс и иные политико-правовые процессы, происходящие в стране и за рубежом.

¹ Тролкина О. При Совете Федерации создается свой «Госсвет» // Независимая газета, 21 мая 2002.

² Тролкина О. При Совете Федерации создается свой «Госсвет» // Независимая газета, 21 мая 2002.

³ Любимов А.П. Возникновение и формирование Совета законодателей при Совете Федерации // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. — М., 2002 — Вып. 4 (46). — С. 11.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Дамико Алфонсо Дж.¹

РАСКРЫТИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО И ЛИБЕРАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Идея гражданского общества как нормативного идеала, примиряющего интересы частного и общего, имеет долгую историю и восходит к работам столь разных мыслителей как Локк, Гегель и Токвилль. Для всех трех из них гражданское общество было синонимом веры в важность свободного выражения личных и групповых разногласий и надежды на то, что такие разногласия будут разрешены в духе доверия, взаимного уважения и этики общности.

С течением времени гражданское общество все чаще воспринимается как своего рода лакмусовая бумажка, с помощью которой проверяются сила и слабость западных либеральных демократий, а после падения коммунизма также и перспектива дальнейшей демократизации стран Восточной и Центральной Европы.

Вслед за Токвиллем (и со ссылкой на Локка и Гегеля) «гражданским обществом» обычно называют сферу добровольных ассоциаций, отличных от государства или семьи и объединяющих граждан какими-то общими це-

лями и задачами. Поскольку существует огромное число таких целей и задач, отличительной чертой гражданского общества является высокая степень ассоциативного плюрализма. Считается, что многочисленные формы организационной (в основной добровольной) жизни наделяют участников таких ассоциаций опытом, который делает их сильнее и который делает их лучшими гражданами. Добровольные ассоциации достойны добрых слов, поскольку они являются противовесом власти государства, поощряют политическую активность, а также способствуют росту самостоятельности граждан. Можно много говорить о других положительных чертах гражданского общества, но главное очевидно: демократия невозможна без гражданского общества.

Что делает гражданское общество особенно примечательным, так это великое многообразие ассоциаций: церковные хоры, клубы садоводов-любителей, благотворительные организации, спортивные клубы, организации

¹ Алфонсо Дж. Дамико — профессор политологии Айовского университета (штат Айова, США).

взаимопомощи, группы развития этнического и расового самосознания, тайные общества, общественные движения. Термин «гражданское общество» достаточно широк для того, чтобы включать в себя многочисленные формы организационной жизни. Неудивительно, что это понятие может быть взято на вооружение для отстаивания широкого спектра различных политических требований и идеалов.

Но уже в силу того, что этот термин иногда означает слишком много, он может быть лишен какого-либо значительного внутреннего содержания¹. Взять хотя бы часто повторяемое утверждение, что ассоциативный плюрализм работает на демократию. Такое утверждение может быть и преувеличением, и недооценкой реального положения дел. Преувеличением, поскольку оно не принимает во внимание очевидный факт, что далеко не каждая организация гражданского общества ставит своей задачей стремление к демократии. И напротив, данное утверждение неполно, так как даже в тех случаях, когда оно соответствует действительности, стремление к демократии является далеко не единственной задачей добровольных ассоциаций и групп.

Моей задачей при написании этой короткой статьи являлся анализ «инструменталистских» и «неинструменталистских» причин высокой оценки гражданского общества, а также рассмотрение тезиса о том, что гражданское общество является средством для достижения определенной цели и в то же время само является целью.

Аргументы инструменталистов обычно связаны с вопросом о том, что гражданское общество может сделать для демократии. Неинструменталисты занимают более либеральную позицию; для них гражданское общество ценно далеко не только тем, что оно не допускает концентрацию всей полноты власти в стране в руках государства. В отличие от демократов-инструменталистов либералы рассматривают гражданское общество как носителя этической традиции, в рамках которой свобода личности и ассоциативный плюрализм обладают самостоятельной ценностью. Конечно, между этими двумя подходами не существует непреодолимого противоречия. Все зависит от акцента, который мы делаем. Но от этого акцента зависит форма отношений между гражданским обществом и правительством.

Политическая система обычно считается демократической в том случае, когда институты и практика (например, выборы, представительство) реально существуют и включают в себя мнения, интересы и стремления граждан, отраженные в коллективном принятии управленческих решений. По мере того, как для граждан открываются новые возможности для влияния на правительство, система становится более демократичной. Вклад общественных ассоциаций в демократию заключается в том, что, во-первых, они организуют и мобилизуют интересы граждан и, во-вторых, развивая способности их участников вести переговоры и достигать компромиссы, делают их лучшими гражданами.

Начну рассмотрение гражданского общества с той его сущности, которая оно противопоставит государству. Это, в частности, позволит мне акцентировать внимание на важном вкладе Александра Домрина в обсуждение феномена гражданского общества.

Современная популярность термина «гражданское общество» вызвана антикоммунистическими движениями в Восточной и Центральной Европе. В этих странах в середине и второй половине 80-х годов прошлого столетия независимая гражданская сфера выполняла функцию оппозиции и объединяла силы, бросающие вызов правительству, злоупотребляющему своими полномочиями. Польское движение «Солидарность» с его собраниями на верфях, молитвами в подвалах церквей и подпольными группами изучения философии стало символом триумфа гражданского общества над государством².

Не буду возражать относительно значения движения «Солидарность», но отмечу, что оно является примером того, как демократические цели достигаются путем дестабилизации режима. Короче говоря, успех «Солидарности» показывает нам, что гражданское общество обладает наибольшим смыслом, когда правительство злоупотребляет властью и угрожает благополучию своих граждан.

Однако картина значительно меняется, когда граждане больше опасаются ослабления государства, чем его усиления. На такого рода ситуацию постоянно указывает А. Домрин в своих публикациях по вопросам гражданского общества. Это не только проблема России. Жителям Афганистана, Хорватии и многих стран Африки угрожает не усиление правительственного воздействия на гражданскую сферу, но, напротив, критическое ослабление государства с фальсифицированными или несостоявшимися выборами, коррумпированными администрациями, неэффективными правоохранительными органами и слабыми легислатурами. В таких ситуациях граждане значительно чаще становятся жертвами религиозных или этнических группировок, чем своего правительства. В данном контексте трудно возразить против аргументации А. Домрина. Правительство должно быть эффективным; государство должно быть сильным.

И, все же думаю, что А. Домрин заходит слишком далеко в его скептическом отношении к идее гражданского общества как нормативного идеала. Разница между нами, как мне представляется, заключается в том, что он слишком серьезно воспринимает гражданское общество как элемент достижения демократического идеала и абстрагируется от иных составляющих гражданского общества.

Мне слишком мало известно о политической системе России для того, чтобы возразить относительно двойного тезиса Александра Домрина о том, что неэффективное и слабое государство является проблемой современной России и что идеализация гражданского общества только еще больше обострило эту проблему. Действительно, гражданское общество в той же мере нуждается в государстве, как и демократическое правительство нуждается в гражданском обществе. Для избежания деградации

По мере того, как для граждан открываются новые возможности для влияния на правительство, система становится более демократичной.

¹ Кроме исторически существующих либеральной и марксистской концепций «гражданского общества» в последний период возникли другие толкования этого термина: исламское, конфуцианское, христианское, еврейское и пр. Подробнее см.: Simone Chambers and Will Kymlicka, eds., *Alternative Conceptions of Civil Society*. — Princeton University Press. — 2002.

² Подробнее см., в частности: Michael Ignatieff. — *On Civil Society: Why Eastern Europe's Revolutions Could Succeed*, — *Foreign Affairs* 74. — No. 2 (1995), — P. 128.

гражданского общества государство должно вмешаться и обеспечить основные требования порядка и законности, установить стандарты равноправия и т.д. Однако независимость правительства от гражданского общества должно быть сбалансирована независимостью гражданского общества от правительства. И здесь мы сталкиваемся с задачей определения роли правительства в гражданском обществе и защиты гражданского общества от его подчинения государству¹.

По моему мнению, вместо того, чтобы находиться в оппозиции друг к другу гражданское общество и политический режим должны поддерживать друг друга. Когда это происходит, гражданское общество и государство дополняют друг друга; опыт участия в общественных организациях делает граждан более подготовленными для принятия на себя управленческих функций. Проблема заключается в том, что добровольные объединения далеко не всегда обладают демократической составляющей. Некоторые из них (например, спортивные общества) лишены какой-либо демократическо-управленческой функции. Другие (скажем, религиозные объединения) строятся не на демократических, а иерархических основах. Третьи (секретные общества, криминальные, террористические и человеконенавистнические группировки) откровенно враждебны каким-либо разговорам о демократии.

Как только демократические инструменталисты осознают наличие в гражданском обществе и таких организаций, индифферентных или враждебных демократии, у них возникает соблазн прибегнуть к правительственному вмешательству в гражданское общество для его перегруппировки и усиления в нем собственно демократического элемента. Такое вмешательство ведет к возложению на государство ответственности за гражданское общество.

Существует определенная двусмысленность в том, какой должна быть роль государства в гражданском обществе. Значительно легче выступать с предупреждениями об опасности излишнего усиления государства в его отношениях с гражданским обществом, чем защищать свободу таких структур гражданского общества, которые проповедуют расизм, этническую ненависть и т.п. В конечном счете, свобода объединения в ассоциации не является абсолютной, как и прочие политические свободы. Нельзя заранее в принципе отвергать недопустимость правительственного вмешательства в сферу гражданского общества; все зависит от каждого конкретного случая, который вызвал необходимость такого вторжения.

Это также зависит от того, отдаем мы предпочтение видению гражданского общества как демократической консолидации граждан либо свободе образования ассо-

циаций как таковой. В первом случае за государством признается ответственность за гражданскую сферу, что ведет к определенной маргинализации гражданского общества в его отношениях с государством. В другом случае занимающие неинструменталистскую позицию либералы заявляют о необходимости государства уважать независимость и автономность гражданского общества.

В позиции либералов-неинструменталистов есть своя логика. Если признать, что на правительстве лежит ответственность принимать решения в отношении того, какие ассоциации «правильные» и какие нет, оно будет использовать свои собственные нормы и правила для определения «правоты» ассоциаций. Остается только задать вопрос, что происходит с гражданским обществом, когда контроль за ним осуществляется правящим в стране режимом? Что происходит с гражданским обществом, когда оно утрачивает функцию «передаточного звена»² между гражданами и государством? Наконец, что происходит со свободой объединения граждан в ассоциации?

Конечно, мое понимание взаимоотношений гражданского общества и государства типично «западное», особенно в том, что касается понимания объединения граждан как действительно «добровольного» объединения. Такое понимание делает его уязвимым, когда мы начинаем применять «западный» подход к странам Восточной и Центральной Европы. В странах с проблемной экономикой

и слабыми государственными структурами разговоры о ценности права на объединение в добровольные ассоциации часто неактуальны и во многом лишены смысла. Как справедливо отмечает А. Домрин, «гражданское общество предполагает достаточно высокий уровень благосостояния населения»³.

Хотел бы завершить эту краткую статью возвращением к тому, с чего начал. Граждане должны обладать правом свободно образовывать добровольные объединения, свободно выступать в них и выходить из них. Государство должно выполнять важную роль гаранта этих прав. В частности, оно должно обеспечивать право граждан на выход из организаций в тех случаях, когда самопровозглашенные этнические и националистические лидеры удерживают членов этих организаций фактически на положении заложников, угрожая им суровыми мерами за попытку выйти из таких организаций. Как мне представляется, когда соблюдаются все названные правила и принципы, достигается золотая середина и либеральный плюрализм становится союзником демократической консолидации. Если я прав в этом, мои взгляды на гражданское общество не так сильно отличаются от взглядов Александра Домрина.

Вместо того, чтобы находиться в оппозиции друг к другу гражданское общество и политический режим должны поддерживать друг друга. Когда это происходит, гражданское общество и государство дополняют друг друга.

¹ См. также: Mark Warren. *Democracy and Association*. — Princeton University Press. — 2001.

² См.: Michael A. Mosher. — *Are Civil Societies the Transmission Belts of Ethical Tradition?* — In: Simone Chambers and Will Kymlicka, eds. — *Alternative Conceptions of Civil Society*. — Princeton University Press, 2002. — P. 207-30.

³ Домрин А. Гражданское общество в России: историческая неизбежность или новый виток социальных экспериментов // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. — 2003. — № 5. — С. 38.